

2. Бордачев, Т. В. Новое евразийство // Россия в глобальной политике. — 2015. № 5. — С. 194—205.

3. Ефременко, Д. В. Рождение Большой Евразии / Д. В. Ефременко // Россия в глобальной политике. — 2016. — № 6. — С. 28—45.

4. Караганов, С. А. С Востока на Запад, или Большая Евразия / С. А. Караганов [Электронный ресурс] // Россия в глобальной политике. — 25.10.2016. — Режим доступа. — <https://globalaffairs.ru/articles/s-vostoka-na-zapad-ili-bolshaya-evraziya/>. — Дата доступа: 06.09.2022.

5. Kuznetsova, A. Greater Eurasia: Perceptions from Russia, the European Union, and China / A. Kuznetsova // Core Europe and Greater Eurasia — A Roadmap for the Future. Frankfurt am Main; NY: Campus Verlag, 2017. — P. 177—191.

6. Лешенюк, О. Н. Интеграционная организация как форма международного сотрудничества в целях реализации повестки 2030: теоретико-функциональные аспекты // Актуальные проблемы междунар. отношений и глобального развития. Вып. 9. — Минск, 2021. — С. 227—241. <https://doi.org/10.33581/2311-9470-2021-9-227-241>.

НА ВОСТОК ОТ ШЕНГЕНА: К ВОПРОСУ ЕВРАЗИЙСКОЙ ИНТЕГРАЦИИ РЕГИОНА

Н. М. Межсевич¹⁾, Н. М. Сеник²⁾

¹⁾ Научно-исследовательская лаборатория стратегического планирования и евразийской интеграции Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, В.О., Средний проспект, 57, 199178, Санкт-Петербург, Россия, e-mail: mez13@mail.ru

²⁾ Научно-исследовательская лаборатория стратегического планирования и евразийской интеграции Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, В.О., Средний проспект, 57, 199178, Санкт-Петербург, Россия, e-mail: seniknik@ya.ru

Целью данного исследования является определение интеграционных перспектив зоны наложения геополитических интересов России и Западной Европы, в которую входят, как территории бывших республик СССР, так и некоторые страны-участницы Варшавского договора. Исследование рассматривает вопросы теоретического обоснования моделей экономической интеграции регионов, затрагивая также институциональные аспекты данной проблематики. Делается вывод о том, что процессы расширения Европейского союза на Восток были направлены не на интеграционное развитие поглощаемых территорий, но на укрепление международных позиций Западной Европы и создания буферной зоны для собственных как экономических, так и политических издержек. По мере сползания экономик Европейского союза в рецессию выбор евразийского вектора интеграции становится все более очевидным.

Ключевые слова: региональная интеграция; экономическая интеграция; евразийская интеграция; постсоветское пространство; Восточное партнерство.

EAST OF SCHENGEN: ON THE ISSUE OF THE EURASIAN INTEGRATION OF THE REGION

N. M. Mezhevich^a, N. M. Senik^b

^a Research Laboratory of Strategic Planning and Eurasian Integration of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration,
V.O., Sredny Prospekt, 57, 199178, St. Petersburg, Russia, e-mail: mez13@mail.ru

^b Research Laboratory of Strategic Planning and Eurasian Integration of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration,
V.O., Sredny Prospekt, 57, 199178, St. Petersburg, Russia, e-mail: seniknik@ya.ru
Corresponding author: N.M. Senik (senikm@ya.ru)

The purpose of this study is to determine the integration prospects of the zone of overlapping geopolitical interests of Russia and Western Europe, which includes both the territories of the former republics of the USSR and some of the Warsaw Pact member countries. The study examines the issues of theoretical substantiation of models of economic integration of regions, also touching on the institutional aspects of this problem. It is concluded that the processes of expansion of the European Union to the East were aimed not at the integration development of the absorbed territories, but at strengthening the international positions of Western Europe and creating a buffer zone for its own economic and political costs. As the economies of the European Union slide into recession, the choice of the Eurasian integration vector becomes more and more obvious.

Keywords: regional integration; economic integration; Eurasian integration; post-Soviet space; Eastern Partnership.

Мировая экономика за последние десятилетия пережила бурное развитие экономической интеграции. Либерализация торговли способствовала региональной и глобальной экономической интеграции в процессах снижения инвестиционных, тарифных и нетарифных барьеров, стимулирования торговли и инвестиций между странами-участниками интеграции. В частности, поэтому ее можно рассматривать как эффективный способ воздействия на экономический рост.

С теоретической точки зрения экономическая интеграция может иметь как положительное, так и отрицательное влияние на экономический рост.

Действительно: с одной стороны, капитал при постоянной норме амортизации следует правилу убывающей полезности, и неоклассическая теория роста утверждает, что на долгосрочный рост одной страны не может повлиять никакая форма экономической политики, включая экономическую интеграцию. При такой точке зрения единственным фактором, определяющим долгосрочный рост, является экзогенная скорость технологических изменений.

С другой стороны, при допущении эндогенных технологических изменений и неубывающей отдачи от капитала теория эндогенного роста предсказывает, что распространение технологий и

экономия за счет изменения масштаба региональной экономики, вызванные экономической интеграцией, могут способствовать долгосрочному экономическому росту [1].

Во-первых, страны, интегрированные в глобальную экономику, имеют доступ к более обширной базе знаний.

Во-вторых, растущий обмен товарами и капиталом, а также конкуренция с иностранными фирмами вынуждают отечественные фирмы использовать инновационные технологии, тем самым вызывая у них стимулы к НИОКР.

В-третьих, экономическая интеграция может существенно расширить рынки и базу потенциальных контрагентов.

Развитие ЕС и Североамериканской зоны свободной торговли (NAFTA) можно назвать двумя наиболее успешными интеграционными проектами [2; 3]. В то же время ряд небезуспешных попыток экономической интеграции (ЕАЭС, ASEAN, BRIKS, инициатива «Один пояс, один путь») был предпринят и развит вне территорий стран коллективного Запада [4; 5].

Изучая интеграционные процессы, можно отметить, что, если, начиная с периода сразу после Второй мировой войны и вплоть до нефтяных потрясений 1970-х гг., речь шла в основном о снижении тарифов, то позднее в центре внимания оказались нетарифные барьеры и согласование нормативно-правовой базы. Сегодня же мы наблюдаем рост «институциональной интеграции» [6].

Институциональная интеграция означает, что страны делегируют наднациональным институтам некоторый политический контроль над избранной политикой [7]. Эти отдельные области политики вышли за рамки тех, которые традиционно охватывались торговыми соглашениями, и включают социальные, трудовые, конкурентные, экологические и технологические проблемы, и это — лишь некоторые из них.

Ян Тинберген, лауреат первой Нобелевской премии по экономике, противопоставил положительную интеграцию отрицательной (негативной). Отрицательная (негативная) интеграция означала устранение торговых барьеров, а положительная — создание новых институтов [8]. Современные международные торговые соглашения выходят далеко за рамки тарифов, создают принципиально новые институты и предполагают далеко идущие геополитические последствия [9; 10].

Таким образом, в определенном смысле целью современных интеграционных процессов коллективного Запада становятся погоня за рентой и компенсация собственных издержек [11; 12].

Такая погоня приводит к тому, что экономические потрясения, как реальные, так и номинальные по своей природе, распространяются, благодаря глубокой интеграции, по странам

очень быстрыми темпами, и мировая экономика все чаще подвергается глобальным потрясениям. Уязвимость экономики к потрясениям, происходящим в других странах или на глобальных рынках, зависит не только от того, насколько эта экономика интегрирована с остальным миром, но и от того, как именно проведена интеграция.

Современные исследования показывают, что целью интеграции далеко не всегда является экономическая выгода, но почти всегда — меняющийся глобальный порядок, направленный на укрепление своих международных позиций [13].

В таких условиях некоторые страны начинают избегать интеграционных процессов, которые, хотя и обещают некоторые краткосрочные экономические выгоды, но ставят под угрозу геополитическую стабильность интегрируемых регионов [14; 15].

Таковым, с нашей точки зрения, является, например, расширение Европейского союза на бывшие страны — участницы Восточного Блока.

В начале 90-х гг. прошлого века предполагаемое расширение ЕС на восток представлялось большинству экспертов как явление, имеющее нейтральное или даже положительное значение для постсоветского пространства.

Сегодня мы можем с уверенностью сказать, что, во-первых, серьезные концепции сотрудничества Восток—Запад и будущей интеграции так и не появились. Практика «Восточного пространства» показала, что Брюсселю нужна не интеграция, а безоговорочная капитуляция, тотальная деструкция экономического и политического суверенитета Тбилиси, Киева, Кишинева без каких-либо взаимных обещаний.

Во-вторых, результаты пребывания ряда европейских стран в ЕС, к примеру, Венгрии, скорее говорят об экономической катастрофе. Успехи Польши очевидны, но это еще не основание делать выводы в масштабе регионов. Да, и на постсоветском пространстве есть как примеры масштабных провалов — Украина, Молдова, так и впечатляющих прорывов. Темпы роста ВВП Казахстана за последние десять лет не только не ниже, но выше темпов роста Польши. Однако информация о «польском чуде» общедоступна, а об успехах Казахстана — нет.

Лишь в последние годы стало очевидным ошибочное мнение о политических и экономических предпосылках расширения ЕС. Этот процесс аргументировался наличием, якобы, общих внешнеполитических целей ЕС, постсоветского пространства и России в сфере безопасности. Указанный тезис аргументировался, действительно, объективной необходимостью отражения новых вызовов, возникших по окончании биполярной эпохи. Речь идет

о проблематике этнических, конфессиональных и территориальных конфликтов, распространении оружия массового уничтожения, международном и локальном терроризме, нелегальной миграции и др.

Отрицать значимость этих общих проблем невозможно, как, впрочем, и то, что сам набор проблем и вызовов часто понимался сторонами по-разному, как минимум с 1999 г. Вмешательство ЕС и США в югославские события и разворот самолета премьер-министра Е. М. Примакова, летевшего в США, над Атлантикой, означало окончательный крах иллюзий на построение партнерских отношений между коллективным Западом и пространством Евразии.

С нашей точки зрения именно успехи евразийской интеграции вызвали принятие программы «Восточного партнерства». Как справедливо отмечают литовские эксперты в практически первой серьезной работе по проблемам постсоветской интеграции: «Расширение ЕАЭС (Евразийский (экономический) союз) в регион, соседствующий и с Россией, и с ЕС (например, вступление Украины либо Молдовы), будет являться серьезным вызовом для "Восточного партнерства"» [16, с. 58].

Таким образом, ключевая проблема — это зона наложения интеграционных проектов, т. е. западная часть СНГ, которая одновременно является восточным соседом ЕС и активно втягивается в «Восточное партнерство».

Возвращаясь к вопросам теории экономической интеграции, отметим, что она способствует повышению конкурентоспособности за счет действия различных факторов:

- снижения транзакционных издержек;
- усиления конкуренции и повышения специализации;
- эффекта масштаба, когда для достижения эффективности производства действительно необходим крупный рынок сбыта;
- распространения технологий;
- эффекта привлечения инвестиций.

В этом смысле евразийский вектор интеграции имеет для обозначенной нами зоны наложения интеграционных проектов больше преимуществ в силу следующих факторов:

- наличия, с определенными изъятиями, единого экономического пространства и режима свободного перемещения рабочей силы;
- технологической взаимозависимости экономик, единых технических регламентов и стандартов;
- существования элементов общей внешней политики, а также инструментов обеспечения безопасности.

Одновременно прозападный вектор интеграции грозит региону значительными отложенными издержками (вплоть до объ-

явления дефолта отдельными странами) и геополитической нестабильностью.

Бесконечно позиционировать себя между Западной Европой и Евразией, получая преференции с обеих сторон, не получится. События последних месяцев детерминируют необходимость выбора. И бывшие республики СССР, и страны — бывшие участницы Варшавского договора должны определить для себя вектор дальнейшей интеграции на десятилетия вперед. 2022 г. становится своеобразной точкой невозврата для региона: либо встраивание в динамически развивающееся евразийское экономическое пространство, либо неизбежное сползание в рецессию, энергетическая бедность и принятие на себя накопившихся за время пандемии *COVID-19* издержек коллективного Запада.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Nguyen, C. P. Economic integration and economic complexity: The role of basic resources in absorptive capability in 40 selected developing countries / C. P. Nguyen, T. D. Su // *Economic Analysis and Policy*. — 2021. — Vol. 71(C). — P. 609— 625.
2. Campos, N. F. Institutional integration and productivity growth: Evidence from the 1995 enlargement of the European Union / N. F. Campos, F. Coricelli, E. Franceschi // *European Economic Review*. — 2022. — Vol. 142, 104014. <https://doi.org/10.1016/j.euroecorev.2021.104014>.
3. Gutierrez, G. How EU Markets Became More Competitive Than US Markets: A Study of Institutional Drift: C.E.P.R. Discussion Papers. — N 12983 / G. Gutierrez, T. Philippon. — London: C.E.P.R., 2018. — 74 p.
4. Kawai, M. ASEAN Economic Integration Through Trade and Foreign Direct Investment: Long-Term Challenges: ADBI Working Paper 545 / M. Kawai, K. Naknoi. — Tokyo, 2015. — 29 p.
5. Ma, S. Growth effects of economic integration: New evidence from the Belt and Road Initiative / S. Ma // *Economic Analysis and Policy*. — 2022. — Vol. 73(C). — P. 753—767. <https://doi.org/10.1016/j.eap.2022.01.004>.
6. Campos, N. F. Institutional integration and productivity growth: Evidence from the 1995 enlargement of the European Union (November 2021): CEPR Discussion Paper N DP16696 / N. F. Campos, F. Coricelli, E. Franceschi. — London: C.E.P.R., 2021. — 32 p.
7. Guiso, L. Cultural differences and institutional integration / L. Guiso, H. Herrera, M. Morelli // *Journal of International Economics*. — 2016. — Vol. 99, Suppl. 1. — P. 97— 113.
8. Tinbergen, J. International economic integration / J. Tinbergen. — Amsterdam: Elsevier, 1954. — 191 p.
9. Deep trade agreements and global value chains / E. Laget [et al.] // *Review of Industrial Organization*. — 2020. — Vol. 57, N 2. — P. 379— 410.
10. Hofmann, C. Horizontal depth: a new database on the content of preferential trade agreements: Policy Research Working Paper Series 7981 / C. Hofmann, A. Osnago, M. Ruta. — The World Bank, 2017. — 34 p.

11. Comerford D. The gains from economic integration / D. Comerford, J. V. Rodríguez Mora, B. Javorcik // *Economic Policy*. — 2019. — Vol. 34, N 98. — P. 201—266.
12. Campos, N., Choosing Institutional Over Economic Integration: Are There Growth Effects?: CEPR Discussion Paper N DP15078 / N. Campos, F. Coricelli, L. Moretti. — London: C.E.P.R., 2020. — 79 p.
13. Буторина, О. В. Выгоды региональной интеграции: пересмотр концепции / О. В. Буторина, Ю. А. Борко // *Современная Европа*. — 2022. — № 1 (108). — С. 5—20. DOI 10.31857/So201708322010016.
14. Aysun, U. A structural approach to measuring the degree of economic integration: Evidence from G-7 countries / U. Aysun // *Journal of International Money and Finance*. — 2022. — Vol. 124, 102632. <https://doi.org/10.1016/j.jimonfin.2022.102632>.
15. Aftab, M. Economic Integration and Exchange Market Pressure in a Policy Uncertain World / M. Aftab, K. Phylaktis // *Journal of International Money and Finance*. — 2022. — 45 p. <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.3843943>.
16. Евразийский союз: вызовы для Евросоюза и государств «Восточного партнерства» / Центр восточноевропейских исследований; рук. д-р Л. Касцюнас. — Вильнюс, 2012. — 61 с.

КОМПЕТЕНЦИЯ ЕВРОПЕЙСКОГО СОЮЗА

Т. Н. Михалёва¹⁾, А. В. Киселева²⁾, Ю. С. Римашевская³⁾

¹⁾ Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь, e-mail: MikhailiovaT@bsu.by

²⁾ Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь, e-mail: okianasby@gmail.com

³⁾ Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь, e-mail: julie.rims@mail.ru

Рассмотрены предметные полномочия и функциональная компетенция Европейского Союза как интеграционного объединения, а также проанализировано взаимодействие Европейского союза с государствами-членами. Авторы приходят к выводу о сбалансированном подходе к определению компетенции ЕС прежде всего за счет закрепления и реализации принципов наделяния компетенцией, субсидиарности.

Ключевые слова: Европейский союз; компетенция; договор о Европейском союзе; правовое регулирование; виды компетенций; разграничение компетенции.

COMPETENCE OF THE EUROPEAN UNION

T. N. Mikhailiova^a, A. V. Kiseleva^b, Yu. S. Rimashevskaya^c

^a Belarusian State University,
Niezaliežnasci Avenue, 4, 220030, Minsk, Belarus, e-mail: MikhailiovaT@bsu.by

^b Belarusian State University,
Niezaliežnasci Avenue, 4, 220030, Minsk, Belarus, e-mail: okianasby@gmail.com,

^c Belarusian State University,
Niezaliežnasci Avenue, 4, 220030, Minsk, Belarus, e-mail: okianasby@gmail.com

The substantive competences and functional competences of the European Union as an integration association are examined, and the interaction of the European Union with the Member States is analysed. The authors conclude on a balanced approach